

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-59-66

Дата поступления: 08.08.2023
рецензирования: 10.09.2023
принятия: 01.10.2023

Е.А. Нечаева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ne4aevakaterina@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0427-6576>

Аутентичность высказывания и «работа знаков» в коммуникации «слепоглухонемой – зрячеслышащий» (на материале творчества О.И. Скороходовой)

Аннотация: статья посвящена специфике коммуникации субъектов, один из которых является слепоглухонемым, а другой (другие) – зрячеслышащим(-и). Целью работы является выявление дискурсивных практик и лежащих в их основе семиотических механизмов, обеспечивающих возможность высказывания как такового и определяющих возможность быть понятым Другим. Материалом исследования является творчество О. И. Скороходовой. Показано, что перед субъектом стоят задачи: а) помыслить мир в категориях и формах, доступных для самого этого субъекта и совпадающих с категориями Другого; б) дискурсивно оформить свой опыт; в) сделать его представимым для Другого. Доказано, что единственной приемлемой формой коммуникации оказывается обращение к языку Другого. Доказано, что поэзия становится эпистемологической практикой – опытом восприятия того, что закрыто для органов чувств слепоглухонемого субъекта (если сам предмет не может быть воспринят непосредственно, конструируется опыт его восприятия). Конструирование опыта восприятия происходит не через взаимодействие с самим предметом, а через взаимодействие со словом о нем. Доказано, что подобная коммуникация связана с делегированием зоны восприятия Другому. Выявлено, в каких отношениях находятся знак и «реальность», замещаемая знаком; выделены следующие типы знаков: знаки, искажающие «реальность»; знаки, «путающие реальность»; знаки, не отсылающие к реальности и/или блокирующие реальность; знаки, находящиеся с реальностью в сложных «случайно-ассоциативных» отношениях. Предложена новая модель семиосиса для коммуникации субъектов, один из которых является слепоглухонемым, а другой (другие) – зрячеслышащим(-и). В результате работы выявлены этапы отыскания аутентичного художественного высказывания в подобной коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация; вербальное оформление; дискурсивные практики; знаки; слепоглухонемой субъект.

Цитирование: Нечаева Е.А. Аутентичность высказывания и «работа знаков» в коммуникации «слепоглухонемой – зрячеслышащий» (на материале творчества О.И. Скороходовой) // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3, № 3. С. 59–66. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-59-66>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Нечаева Е.А., 2023 – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

E.A. Nechaeva

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: ne4aevakaterina@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0427-6576>

Statement authenticity and “sign functioning” in communication between “deaf-blind and regular persons” (based on O. Skorokhodova’s works)

Abstract: the article is devoted to the problem of communication between subjects, one of which is deaf-blind person, and «the Other» (others) is (are) sighted-hearing person(s). The aim is to identify discursive

practices and semiotic mechanisms behind them that provide the possibility of communication and determine the possibility of being understood by «the Other» on the example of the work of O. Skorokhodova. It is shown that the subject faces the following issue: a) to contemplate something and to translate it into a categories and forms understandable to the subject himself and matching with the categories of «the Other»; b) discursively formalize your experience; c) make it representable to «the Other». It has been proven that the only acceptable form of communication is an appeal to the language of «the Other». It is proved that poetry becomes an epistemological practice - the experience of perceiving something that is inaccessible to the senses of a deaf-blind subject (if the object itself cannot be perceived directly, the experience of its perception is constructed). The construction of the experience of perception occurs not through interaction with the object itself, but through interaction with the description of the subject. It is proved that communication includes the delegation of the zone of perception to «the Other». A substance of relationship between a sign and a "reality" replaced by the sign was revealed; the following types of signs are distinguished: signs that distort "a reality"; signs that "confuse a reality"; signs that do not refer to a reality and / or block a reality; signs that are in complex "accidental-associative" relations with a reality. A new model of semiosis for communication of subjects, one of which is deaf-blind-mute, and «the Other» (others) is (are) sighted-hearing(s), is proposed. As a result of the work, the stages of search ways of authentic communication are revealed.

Key words: communication; verbal presentation; discursive practices; signs; deaf-blind subject.

Citation: Nechaeva, E.A. (2023), Statement authenticity and "sign functioning" in communication between "deaf-blind and regular persons" (based on O. Skorokhodova's works), *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 3, no. 3, pp. 59–66, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-3-59-66>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Nechaeva E.A., 2023 – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Russian and foreign literature and PR, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse (st.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Творчество слепоглухонемых или слепоглухих писателей (таких как, например, Хелен Келлер), как правило, не привлекает внимание исследователей-литературоведов; в крайнем случае весь корпус текстов становится материалом для публицистических размышлений о силе человеческого духа, выводящих произведения этих авторов из предметной области науки.

Работы О.И. Скороходовой (достижения которой часто сопоставляются с достижениями Хелен Келлер) известны психологам, педагогам и педагогам-дефектологам, но мало известны литературоведам, несмотря на то что О. Скороходова не только автор трилогии «Слишком темно и невыносимо тихо...», разнообразных очерков и эссе, но и поэтесса. Трилогия «Слишком темно и невыносимо тихо: воспоминания слепоглухонемой: как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир», ставшая материалом исследования, – это автобиография, однако в рамках данного исследования нас интересуют не теоретические проблемы т.н. автобиографического дискурса или проблемы автора /героя, документального/фикционального (мы исходим из допущения, что эти проблемы вполне могут быть решены на материале автобиографий других авторов), а сам способ дискурсивного оформления жизни и опыта субъекта, для которого большинство конвенциональных форм оказывается «закрытыми». В частности, нас интересуют дискурсивные практики и

лежащие в их основе семиотические механизмы, обеспечивающие возможность высказывания как такового и определяющие возможность быть понятым Другим.

По Л.М. Веккеру, работу мысли обеспечивают три языка (три модуса) переработки информации – знаково-словесный, образно-пространственный и тактильно-кинестетический. Веккер указывает, что мышление «...представляет собой процесс непрерывно совершающегося перевода информации с собственно психологического языка пространственно-предметных структур ... то есть с языка образов, на психолингвистический, символически-операторный язык, представленный речевыми сигналами» (Веккер 1976, с. 134). Не вызывает при этом сомнений, что «...для слепоглухонемых лиц ведущим "языком" будет тактильно-кинестетический» (Потылицына 2006).

Однако «итоговый» вербально выраженный опыт – это так или иначе «игра по правилам» Другого. Как пишет Н.Т. Рымарь, «сложность проблемы аутентичности высказывания заключается как раз в том, что прямой, простой непосредственности высказывания на самом деле быть не может, так как всякое высказывание, всякое изображение являются коммуникативным актом и опосредованы каким-то медиумом, что предполагает, с одной стороны, использование общепонятных слов, форм выражения, конвенциональных изобразительных средств, сигналов – знаков, с другой стороны – «другого», который способен или не спосо-

бен прочитат и понять данные знаки так, как это мыслилось автором высказывания (Рымарь 2013, с. 16). В случае коммуникации слепоглухонемого и зрячеслышащего (эстетической коммуникации слепоглухонемого писателя и зрячеслышащего читателя / бытовой коммуникации субъектов, один из которых является слепоглухонемым) оба модуля представляются затруднительными. Что если возможности оперировать знаками (как и сами эти знаки) у слепоглухонемого писателя и слышащего и видящего читателя принципиально различны?

Априори кажется, что для субъекта, обладающего такими особенностями (у слепоглухонемого писателя), мир не представим или по крайней мере не выразим в формах, доступных для Другого, и наоборот. Кажется, что коммуникация «закрыта» и возможности аутентичного выражения опыта (и выражения в формах, доступных Другому) отсутствуют, только лишь потому, что слепоглухонемой писатель и «нормативный» читатель говорят «как бы на разных языках». Однако коммуникация абсолютно необходима, чтобы само это «Я» могло возникнуть *per se*; нахождение «вне коммуникации» – нахождение в небытии (ср: у Ж.-Л. Нанси: «Язык – это не инструмент коммуникации и коммуникация не инструмент для бытия, но, совершенно точно, коммуникация есть бытие» (Нанси 2004, с. 145)).

Постановка проблемы

В трилогии «Слишком темно и невыносимо тихо» субъект многократно отмечает вынужденную «игру на чужом поле» – необходимость говорить с Другим языком Другого, чуждым самому этому «Я»: «Ведь одно дело – ощутить, воспринять, "осмотреть" руками предмет, это не так сложно. Гораздо труднее описать этот предмет своими словами совершенно так, как я его воспринимаю, т. е. дать образ этого предмета. Когда слепые и глухонемые описывают свои ощущения, восприятия, представления *языком зрячих (здесь и далее выделено мною – Е.Н.)*, то надо всегда помнить, что ощущают они иными органами чувств, хотя описывают их словами зрячих и слышащих. Когда зрячий человек видит издали корову, он говорит: "Гляжу я на нее, а она рыжая, вся в белых пятнах, у нее большие красивые глаза..." О той же корове слепой будет говорить теми же словами, как и зрячий, но, если он станет описывать непосредственные ощущения и восприятия, то скажет: "Я осмотрел руками эту корову, у нее шерсть гладкая, мягкая, я ощупал ее ноги, голову, нашел на голове рога, которые показались мне на ощупь такими твердыми". А что может сказать глухой человек об игре на рояле? Только одно: "Я держал руки на крышке рояля и ощущал вибрации того, что слышащие называют звуками..."» (Скороходова 2019, с. 37).

Отвечая на возможные упреки воображаемого имплицитного читателя, О. Скороходова пишет: «Пусть эти люди *сами* попробуют рассказать о себе правдиво, откровенно, художественно в литературном отношении» (Скороходова 2019, с. 37). Таким образом, требование аутентичности (в формуле «откровенно и правдиво» мы видим именно призыв к подлинному выражению опыта, к его аутентичному выражению и аутентичному слову) звучит в тексте как вызов, как задача, требующая решения.

В приведенной выше цитате сразу обращает на себя внимание вынужденное для субъекта говорение «языком зрячих». «Коммуникативная опасность», таким образом, поджидает субъекта с двух сторон: ощущать, но «ощущать иначе и пользоваться языком Другого» или смириться с тем, что мир не открывает себя в таких формах (в данном случае – звуках), которые для «Я» представимы и потому вербализуемы.

Трилогия содержит множество примеров, демонстрирующих осознание субъектом того факта, что единственно приемлемой формой коммуникации оказывается обращение к языку Другого. Приведем лишь некоторые наиболее репрезентативные: «Многих зрячих чрезвычайно интересует вопрос: могу ли я представить тот или иной цвет? Некоторые даже спрашивали: нельзя ли с помощью осязания различать цвета? На оба эти вопроса я отвечаю: "Конечно, нет". Но поскольку я *пользуюсь языком зрячих*, то о различных цветах и их оттенках говорю теми же словами, какими *принято* о них говорить» (Скороходова 2019, с. 162). Другой вынуждает обращаться к «нулевому опыту» – опыту, которого у субъекта не было (в данном случае – опыт восприятия цвета), но теоретически потенциально он мог бы быть (если бы субъект был видящим). Субъект – что совершенно очевидно – осознает, что цвета существуют и могут быть восприняты и помыслены, но способы репрезентации мира «заточены» для тех, кто слышать и видеть может: «Итак, я повторяю, что мне приходится пользоваться на каждом шагу языком зрячих и слышащих людей. Ведь *не существует же отдельного языка* для слепых и глухонемых» (Скороходова 2019, с. 173).

Чуждость «языку Другого» при «нулевом опыте» О. Скороходова называет «подражанием» (языку Другого): «В *подражание* зрячим я пытаюсь вызвать в своем уме представление о луне как о большой лампаде, но странное дело – луна вовсе не кажется мне подвешенной на цепочках лампадой» (Скороходова 2019, с. 173).

Ход исследования

Обращает на себя внимание то, что в стихотворениях О. Скороходова преимущественно пишет о том, что не доступно слепоглухонемому человеку (по крайней мере в той форме, в какой эти явле-

ния доступны зрячим и слышащим людям): о молнии, луне, звездах и т.д.: «Их [звезд, комм. мой – Е.Н.] расстояние от земли я не представляю, но если пишу в своих стихах о звездах, то пользуюсь языком зрячих людей, да иначе и быть не может» (Скороходова 2019, с.173).

Ряд исследователей (Потылицына 2006; Баксанский 2002) объясняет активное обращение слепоглухонемых субъектов к тем образам, которые не могут быть им «доступны» непосредственно, тем, что «в сознании индивида образ ситуации тяготеет к завершенности, целостности». Поэтому при недостатке информации, необходимой для понимания того или иного явления окружающего мира, начинает действовать принцип заполнения пробелов, т. е. «потребность "достраивать" перцептивную ситуацию, вводя в нее актуально отсутствующие, но субъективно необходимые элементы в соответствии с собственным пониманием данной ситуации <...> И, как представляется, при постоянном ограничении доступа информации люди с недостатками развития могут даже оказаться в ситуации "информационного вакуума", когда им просто нечем заполнить пробел в своих представлениях об окружающем мире, так как в их сознании отсутствуют необходимые для этого образы. В первую очередь это касается людей с глубокими нарушениями зрения и слуха» (Потылицына 2006, с.206). На наш взгляд, стихи (поэзия в целом) становятся в этом случае некой эпистемологической практикой – опытом восприятия того, что закрыто для ее органов чувств. Сам предмет не может быть воспринят непосредственно, но может быть сконструирован опыт его восприятия. Конструирование опыта восприятия, естественно, происходит не через взаимодействие с самим предметом, а через взаимодействие со словом о нем. Это предположение подтверждается тем, что рассуждения о тех явлениях, которые недоступны этому субъекту (например, о явлениях природы), часто сопровождаются включением текстов, прямо или косвенно связанных с упоминаемым предметом: так, описывая грозу, О. Скороходова упоминает драму Островского и прочитанное ею описание грозы в июле, когда был убит Лермонтов.

В связи с этим возникает вопрос о том, в каких отношениях находятся знак и «реальность», замещаемая знаком, коль скоро «взаимодействие» происходит не с предметами, а со словами о предметах. В этом смысле выявляется абсолютно уникальный, на наш взгляд, семиосис.

В заметке «Экскурсия в Зоологическом музее» описывается такое воспоминание: О. Скороходова трогала («осматривала руками») чучело лисы, которую она узнала по «описанию в литературе». Важно подчеркнуть, что прежде с «реальной», эмпирической, лисой она не взаимодействовала, но читала описание в текстах (включая сказки).

Аналогичным образом описывается знакомство с «репрезентируемым» песцом: «В Зоологическом музее мне впервые показали чучело песка. Л. И. ничего мне не сказала, а просто положила мою руку на какое-то чучело. Оно было чрезвычайно приятное для осязания. Густая шелковистая шерсть и форма головы <...> напомнили мне описания песцов в литературе. "Это песец", – сказала я уверенно» (Скороходова 2019, с.149).

Сходен по структуре, но более сложен другой пример: «Я осматривала небольшую статую Дон Кихота. На лице у этого всем известного героя я обнаружила острую бородку. Я моментально вспомнила описание из книг такой бородки и сказала: "У него эспаньолка. Хотя я никогда не видела мужчин с бородкой под этим названием". "Именно, эспаньолка", – ответила Ч». (Скороходова 2019, с. 49). «Уникальность» такой работы знаков, на наш взгляд, заключается в том, что во всех этих случаях (а также в тех многочисленных фрагментах, которые не были процитированы, – например, описание осмотра костей и зубов мамонта в музее) основой познания реальности становится не узнавание, в котором реальность первична по отношению к изображаемому (опыт «узнавания реальности в знаке»), а другой процесс: одна репрезентация, дополняя другую, позволяет конструировать реальность (т.е. первичность знака). Описание в художественном тексте бородки героя Сервантеса (репрезентация 1, причем репрезентация, в которой, по-видимому, образ целого доминирует над образом части – эспаньолки), накладываясь на репрезентацию 2 – статую, – моделирует опыт познания самой этой бороды, хотя знакомство с ней (несмотря на то что такая эспаньолка вполне доступна для «тактильного зрения») не предшествовало работе с репрезентациями.

Еще более сложный семиосис обнаруживается в описании посещения героиней картинной галереи. Если скульптура доступна «тактильному зрению» и при всей сложности работы со знаками обеспечивает коммуникантам «общность дискурсивного поля», а субъекту – опыт узнавания реальности в ее репрезентации, то изображенное на картине, казалось бы, должно становиться «нулевым опытом». Посещение картинной галереи, таким образом, сопрягается с другим «семиотическим» затруднением: для восприятия картины необходимо, чтобы кто-то зрящий, сопровождающий героиню, дактилологией (движение-касание пальцев и всей руки, воспроизводящее орфографическую запись слова, при этом связь движения руки и «внешняя форма», геометрия, буквы не всегда мотивированы) описал ей изображенное на полотне. При этом в строгом смысле «дактилология не является языком и точно следует за грамматическим строем национального языка» (Сироткин, Смирнова 2006, с. 46).

Подобный экфрасис особенно затруднен, так как, во-первых, представляет собой «перевод» из одной знаковой формы в другую и, во-вторых, полностью опосредован Другим. Делегирование зоны восприятия Другому, с точки зрения нарративных структур, не имеет преимуществ, так как получившиеся дискурсивные схемы целиком принадлежат Другому: происходит отчуждение от опыта «Я» на нескольких уровнях: «Я» воспринимает только то и только так, как воспринимает Другой, и оба они – возвращаясь к традиционной проблеме – опосредованы конвенциональными языковыми практиками – необходимостью «конвертировать» восприятие в слово, которое предзадано, культурно и социально обусловлено, входит в поле Других и которое при этом нуждается в переводе в иную знаковую (дактильная речь) систему.

Делегировано Другому и восприятие музыки: «М. Н. переводила мне текст песен и романсов, а за другую руку меня держал С. А. и движениями своей руки передавал мне ритм музыки. Конечно, настоящей мелодии я не представляла, но ритм музыки соответствовал ритму стихов, и уже одно это доставляло мне большое удовольствие. Вероятно, С. А. это понял, потому что, как потом мне сообщила М. Н., у него был торжествующий вид человека, совершившего большое дело и гордящегося им. Конечно, ему было приятно сознавать, что он, как умел, передавал мне то, чего я никогда не услышу. На следующий день после концерта я двигалась по своей комнате соответственно тому ритму, который воспринимала через руку» (Скороходова 2019, с. 199), (Skorokhodova 2019, p. 199). Примечательно то, что ритм музыки как бы переходит в ритм жизни, понятый буквально. Аналогично делегируется Другому и зона восприятия кино и танца.

Другим обусловлен выбор цвета костюма, который героиня наденет, другой (обобщенный Другой) моделирует представление о том, что прекрасно и что безобразно (Скороходова 2019). Другой включается в процесс т.н. «жизненного аутсорсинга» (термин С.А. Смирнова) – процесс системной передачи «человеком своих привычных функций и работ другим» (Смирнов 2016, с. 5) – другим субъектам (и/или техническим устройствам). «<...> Мы видим и слышим глазами и ушами всех наших друзей, всех людей, всего рода человеческого», – ответил на вопрос о самой возможности видеть и слышать А. Суворов, участник т.н. Загорского эксперимента и воспитанник Э.В. Ильенкова.

Полученные результаты и выводы

Таким образом, с помощью Другого, которому делегируется ответственность за интерпретацию знака, настраивается общность коммуникативного поля, к которому, так или иначе, принадлежат

оба субъекта. Но может ли это обеспечить аутентичность высказывания и, следовательно, в каких отношениях находятся субъективно переживаемая реальность и «полученные от Другого» знаковые системы? В рамках этой статьи мы выделим лишь несколько типов отношений «реальности» и «знака», оставляя в стороне вопрос о тех категориях, с помощью которых происходит схватывание реальности.

Знаки, искажающие «реальность». Недоступные для восприятия феномены и доступные для восприятия репрезентации еще более обнаруживают свою нетождественность в текстах слепоглухонемых субъектов: «Конечно, из книг по астрономии мне известно, что такое звезды, но зрительно я не представляю их форму и величину, т. е. не представляю такими, какими их видят зрячие. Конечно, я не раз видела вышитые на чем-нибудь звездочки, видела значки-звездочки и т. д. Настоящие звезды кажутся мне очень похожими на них» (Скороходова 2019, с. 172). Традиционное пятиконечное символическое изображение звезды (за скобками мы оставляем два очевидных утверждения о том, что, безусловно, модель такого типа всегда является упрощающей и может быть интерпретирована как искажающая, и о том, что это зрячие обмануты своим органами чувств, заставляющими видеть свет как «луч», «вершину» или «острие звезды» – пятиконечной, семиконечной и т.д.), безусловно, не совпадает с описанием звезды в учебнике астрономии; в прошлых примерах, напомним, репрезентация способствовала узнаванию и/или конструированию реальности, но для тех феноменов, которые недоступны «тактильному зрению», наличие репрезентации хоть и делает предметы хоть сколько-нибудь доступными для осознания, оказывается исключительно искажающим.

Едва ли не более «искажающей» оказывается репрезентация подобных феноменов в художественной литературе: «А бывает и так, что я вдруг вспоминаю слова Евгения Онегина об Ольге: "Кругла, красна лицом она, как эта глупая луна", и тогда луна представляется мне женским лицом с лукаво-кокетливой улыбкой» (Скороходова 2019, с. 174). Сравнение и/или уподобление улыбки, которая доступна «тактильному зрению», луне создает ощущение их тождественности, что автоматически заставляет субъекта воспринимать недоступное (луну) через репрезентацию доступного (лицо-луна).

Знаки, «путающие реальность»

В то время, как объекты реальности (например, предметы быта) не находятся в прямых иерархических отношениях, «слова о реальности» в таковых находятся. «Языковая логика» очевидно расходится с «тактильной логикой»: сорочку и чулки требуется называть бельем, хотя первые два пред-

мета гардероба вполне доступны «тактильному зрению», в то время как третья («белье») нет (по крайней мере оно в этом случае совпадает с первыми двумя), при том что шапка, шарф и пальто к таковым не относятся, а вместе они объединяются словом «одежда»: «Я была в большом затруднении, не понимая разницы между словами "белье" и "одежда"» (Скороходова 2019, с. 260).

Гиперо-гипонимические связи оказываются контринтуитивными по отношению к тактильной, а не языковой логике мира: «Педагог говорил мне: "Пойдем на рынок за ягодами", "пойдем на рынок за фруктами". Но на рынке оказывалось, что педагог покупал вовсе не ягоды, а клубнику, или крыжовник, или малину; не фрукты, а абрикосы, груши, яблоки. Мне нелегко было понять, что самые разнообразные, непохожие друг на друга вещи нужно назвать одним словом – продукты. Конфеты ничем не напоминали фасоль, горох или какую-нибудь крупу; крупа ничем не напоминала сливочное масло, а масло ничем не напоминало мясо. Отвлеченное же понятие продукты вообще нельзя было ни ощущать (по запаху), ни осязать, ибо это было слово, обозначающее название многих вещей. (Скороходова 2019, с. 272). Можно предположить, что освоение таких гиперо-гипонимических групп составляет трудную задачу для любого человека в определенном возрасте (дети часто могут путать эти слова), но, очевидно, человеку, для которого тактильный способ освоения мира является ведущим, справиться с замысловатой игрой знаков еще труднее.

То же касается метонимических связей и метонимической логики: «По моим тогдашним понятиям, те вещи, которые стояли в спальне, нельзя называть мебелью, а следует называть вообще спальней, потому что они стояли в спальне; те вещи, которые стояли в столовой, надо называть столовой; а все то, что находилось в кухне, считается кухней. Некоторое время я, по-видимому, понимала так: в спальне стоит спальня, в столовой стоит столовая, а в кухне находится кухня» (Скороходова 2019, с. 262).

Знаки, не отсылающие к реальности и/или блокирующие реальность

Абсолютно очевидно, что знаки, не отсылающие к реальности, могут остаться в воспринимающем сознании только знаками: «Такие слова, как "горизонт", "даль", "перспектива", для меня лишь словесные образы, и не более того (Скороходова 2019, с. 211). Более значимым является другой пример – ситуация, когда знаки, не отсылающие к реальности, заставляют сомневаться в самом существовании реальности.

Описывая ощущения, испытанные ею в качестве пациента, во время операции под местной анестезией, О. Скороходова упоминает многочисленные хирургические инструменты: «Конечно, я знала,

что в руках хирурга инструменты, и если бы я видела их глазами или осмотрела руками, то, наверное, почувствовала некоторый страх, но я их не видела, не осматривала, а лишь знала о них. Поэтому они не казались мне чем-то реальным – не имели ни формы, ни размера, а мелькали перед моим умственным взором только как отображение этих инструментов. Например, я не могла представить их металлическими, холодными, гладкими, острыми и т. д. Я просто знала о них, просто у меня был словесный образ – и все» (Скороходова 2019, с. 188–189). Логичным было бы предположить, что в такой ситуации человеку свойственно бояться того, чего он не знает и не видел, – страшных инструментов хирурга, которые в его сознании, не имеющем возможности воспринимать предмет непосредственно, больше похожи на орудия пыток, чем на нож для бумаги или, например, нож для масла. В данном случае все парадоксально сработало наоборот: слова, не отсылающие к «знакомой реальности», не возрождают в сознании предметы, обладающие плотью: и слово, и предмет кажутся субъекту нереальными или ирреальными.

Знаки, находящиеся с реальностью в сложных «случайно-ассоциативных» отношениях

Скороходова отмечает: «С самого начала слово "мимикрия" почему-то напоминало мне большую жирную гусеницу; <...> в моем представлении мимикрия похожа на Лису Патрикеевну, а также вызывает в памяти рассказ Чехова "Хамелеон"» (Скороходова 2019, с. 216). Явления, недоступные «тактильному зрению» непосредственно, таким образом, произвольно увязываются с другими денотатами, образуя случайные, «ситуативные» связи.

Требование «своего» слова. В одной из автобиографических записей О. Скороходова вспоминает, как, будучи старательной ученицей, не только хорошо понимала содержания заданного на дом урока, но и выучивала параграфы по истории, географии и другим предметам наизусть: «Я предполагала, что мои учителя будут этому рады, похвалят меня за то, что я так хорошо выучиваю уроки» (Скороходова 2019, с. 314). Учителя, однако, не хвалили ее: для них неумение (или нежелание) передавать выученное своими словами свидетельствовало о непонимании материала. «Однако как же я могла так много объяснять своими словами, если мне легче было рассказать выученный наизусть текст, чем припоминать выученные слова и фразы и считать их своими словами? Эти слова и фразы я не всегда быстро припоминала, не всегда правильно применяла их в смысловом значении. Но если я заучивала текст, мне казалось, что я понимаю и слова, и содержание» (Скороходова 2019, с. 314). Это фрагмент можно считать одной из первых попыток постановки проблемы «свое слово»/«чужое слово».

Особенно значимой представляется заметка «Как я училась писать письма»: в ней приводится первое письмо, написанное О. Скороходовой и адресованное ее незрячей подруге. В этом фрагменте субъект как бы дублирует тот путь, по которому шел XX век, ставя проблему аутентичности высказывания и предлагая возможные пути ее решения: «Мне казалось, что, находясь от меня далеко, подруга не поймет того, что я ей хочу написать. Я буквально мучилась, когда хотела писать письмо: какие же слова нужно писать для того, чтобы мои подруги или знакомые поняли то, о чем я думаю? Какими словами начинать письмо? Как кончать писать письмо? Нужно ли *придумывать свои новые слова и фразы* или же писать в письмах такие же слова, такие же фразы, какие пишут друзья в письмах ко мне?» (Скороходова 2019, с. 323).

Тот, для кого письменная, «вторичная», форма коммуникации является еще более непривычной и/или чуждой в силу ее контринтуитивности по сравнению с возможностью тактильно и непосредственно взаимодействовать как с объектом, так и с другим субъектом коммуникации, ощущает, по-видимому, еще острее проблему возможного несовпадения *написанного слова* и того опыта, который этим словом необходимо передать. Примечательно то, что одно из возможных решений («придумывать свои новые слова и фразы») дублирует решение, предложенное литературным авангардом. В приведенной цитате стремление придумывать «новые слова и фразы» явно связывается со стремлением к некоей «подлинной» и доступной Другому передаче того, о чем «думает» пишущий. Вариантов, таким образом, два: обращение к конвенциональным моделям коммуникации («такие же фразы, какие пишут друзья») или «авангардный» путь изобретения собственного языка.

Получившееся письмо, на наш взгляд, обнаруживает стремление «пробиться к Другому»: «Здравствуй, Феничка! Феничка, я Ваше письмо получила. Феничка, я тоже хочу написать Вам письмо. Феничка, как Вы живете? Я живу хорошо. Феничка, со мной занимаются педагоги и Соколянский. <...> Феничка, любите и не забывайте меня. Милая Феничка, целую Вас и с этим до свидания» (Скороходова 2019, с. 323). Комментируя полученный текст, адресант поясняет свою стратегию: «Мне казалось, что эта девушка ничего не поймет, если я не буду начинать каждую фразу обращением к ней по имени. <...> Когда я писала это письмо, мне становилось даже скучно от того, что я так часто употребляла имя девушки, но если я писала фразу без имени, то начинала очень волноваться, полагая, что Феничке все будет непонятно» (Скороходова 2019, с. 324). Аутентичность высказывания, таким образом, связана здесь со стремлением зафиксировать саму подлинность коммуникации:

«я обращаюсь к Тебе, пишу Тебе», следствием и симптомом чего и является избыточное, на первый взгляд, повторение имени адресата.

Логичным продолжением отыскания аутентичного слова становится обращение не просто к конвенциональным – привычным и потому «автоматическим» – дискурсивным схемам, а к дискурсивным схемам классической литературы. «В дальнейшем я стала обращать внимание на форму и стиль тех писем, которые мне присылали подруги и товарищи, уезжавшие домой на каникулы. Когда же я начала систематически читать книги, то, конечно, обращала внимание на то, как написаны письма в книгах. С целью изучения стиля писем я несколько раз прочитала небольшой роман Достоевского "Бедные люди", пользуясь тем, что эта книга имелась по Брайлю в библиотеке школы. Пользовалась я образцами писем и из других книг, а потом писала своим подругам, подражая этим образцам: "...Драгоценная моя Ниночка, друг мой сердечный...", "...Моя возлюбленная подруга Тонечка! Как страстно я жажду встретиться с тобой... Пламенно обнимаю тебя и много, премного раз целую..." В действительности я не любила ни пламенных объятий, ни многочисленных поцелуев, но писала об этом в письмах потому, что так было написано в книгах... Проходили годы, и я, наконец, научилась писать письма по-своему, зная, что мои друзья поймут их» (Скороходова 2019, с. 324). Здесь непосредственные желания и привычки субъекта находятся в очевидном диссонансе с тем их дискурсивным оформлением, на который пишущий субъект опирается.

Таким образом, перед субъектом стоит задача а) помыслить мир в категориях и формах, доступных для самого этого субъекта и – по возможности – совпадающих с категориями Другого, б) дискурсивно оформить свой опыт и в) сделать его представимым для Другого. Подобная коммуникация связана с делегированием зоны восприятия Другому: с помощью Другого, которому делегируется ответственность за интерпретацию знака, настраивается общность коммуникативного поля, к которому, так или иначе, принадлежат оба субъекта.

Источники фактического материала

Скороходова О.И. Слишком темно и невыносимо тихо. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир. Москва: Родина, 2019. 432 с.

Библиографический список

Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» // Вопр. философии. 2002. № 8. С. 52–69.

Веккер Л.М. Мышление и интеллект // Психические процессы. В 2-х томах. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1976. Т. 2. 342 с.

Ильенков Э.В. Философия и культура. Москва: Политиздат, 1991. 464 с.

Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Пер. с фр. В.В. Фуре, под ред. Т. В. Щитцовой. Мн.: Логвинов, 2004. 272 с.

Потылицына Л.А. Особенности построения образа мира у слепоглухонемых лиц // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева, 2006. Вып. 5 (12). С. 206–211.

Рымарь Н.Т. Проблема аутентичности художественного высказывания в ситуации кризиса языка в XX в.: Учеб. пособие по курсу истории зарубежной литературы XX века для студентов филологического факультета. Самара: Самарский государственный университет, 2013. 53 с. URL: <http://media.samsu.ru/lectures/philol/rimar/index.html> (дата обращения: 26.12.2023).

Сироткин С.А., Смирнова О.И. Этика взаимоотношений и общения со слепоглухими: метод. пособие. Москва, 2006. 86 с.

Смирнов С.А. Умное тело или проблема формирования человеческой телесности в ситуации жизненного аутсорсинга. Часть 1 // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 4–13.

Vekker, L.M. (1976), *Thinking and Intelligence, Psikhicheskie protsessy = Mental processes*, vol. 2, Publ. Leningradskogo Universiteta, Leningrad, USSR.

Il'enkov, E.V. (1991), *The philosophy and culture*, Politizdat, Moscow, Russia.

Nancy, Jean-Luc (2004), *Being Singular Plural*, Logvinov.

Potylitsina, L.A. (2006), The peculiarities of the world outlook forming of blind-and-deaf people, *Vestnik of SibGAU [Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M. F. Reshetneva]*, vol. 5 (12), pp. 206–211.

Rymar, N.T. (2013), *The problem of the authenticity of artistic expression in the situation of the language crisis in the twentieth century*, Textbook for the course of the history of foreign literature of the twentieth century for students of the Faculty of Philology, Samara State University, Samara, 2013, [Online], available at: <http://media.samsu.ru/lectures/philol/rimar/index.html> (Accessed 26 Dec 2023).

Sirotkin, S.A. and Smirnova, O.I. (2006), *Ethics of restriction and communication with deaf-blindness: guide*, Moscow, Russia

Smirnov, S.A. (2016), Smart body or the problem of human corporeality development in the context of outsourced life. Part 1, *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-historical psychology*, vol. 12, no. 1, pp. 4–13, (In Russ., abstr. in Engl.).

References

Baksansky, O.E., Kucher, E.N. (2002), Modern cognitive approach to the category "image of the world", *Vopr. Philosophy*, vol. 8, pp. 52–69.

Submitted: 08.08.2023

Revised: 10.09.2023

Accepted: 01.10.2023